Луняев Е.В. Нравственные идеи масонства в поэтическом творчестве М. М. Хераскова // Gratias Agimus: Философско-эстетические штудии: Сборник научных трудов в честь 70-летия профессора А. П. Валицкой. В 2-х тт. – Т. 1. / Отв. ред. К.Г. Исупов, Л. Н. Летягин. – СПб., 2007. – С. 124–135. – 0,4 п.л.

Нравственные идеи масонства в поэтическом творчестве М. М. Хераскова

Евгений ЛУНЯЕВ

Среди русских писателей XVIII века Михаил Матвеевич Херасков занимает исключительное положение: это единственный поэт-масон, который в то время считался – справедливо или нет, это другой вопрос – крупной поэтической величиной в литературе вообще, а не только в масонской. «Кроткий по характеру, гуманный по взглядам, он представлял собой личность, как нельзя более подходящую для восприятия нравственных идей масонства»[1].

Служебная деятельность М.М. Хераскова почти вся была посвящена Московскому университету: он прошел путь от асессора конференции до директора и куратора университета. В 1770 году Херасков был назначен вице-президентом Бергколлегии – учреждения, ведавшего горной промышленностью в России, – и переехал на жительство в Петербург. «При тогдашних порядках не могло казаться удивительным, что *поэт начальствует над специалистами горного дела*, – ведь был же певчий Алексей Разумовский фельдмаршалом русской армии, хотя по этой своей должности он и не занимался ничем, но тут главное заключалось не в том, чтобы назначить Хераскова на новое место, а в том, чтобы удалить его со старого. Херасков был масоном»[2]. Следует думать, что императрица опасалась влияния Хераскова на университетскую молодежь и пожелала держать его поближе к себе, чтобы чаще приглядывать. С другой стороны, именно столичный Петербург екатерининской эпохи был средоточием высших масонских степеней по всей России, всегда стремящихся быть ближе к власти. Известен факт, что во время путешествия Екатерины II по Волге в 1767 году Херасков принимал участие в переводах из «Энциклопедии», предпринятых кружком придворных императрицы, сопровождавших ее в поездке. Он переводил статьи, касающиеся поэзии, словесных наук и магии. Книга «Переводы из Энциклопедии» вышла в свет тремя частями в 1767 году. В этом путешествии императрицу сопровождал масон А.С. Строганов, вступивший в орден в Париже и в силу исключительных личных способностей сделавший быструю «карьеру» в масонских степенях. Именно пример личности Строганова мог сильно повлиять на молодого Хераскова, побудить вступить в орден, возможно, даже по его рекомендации. И было вполне по-масонски оказаться действительным «вольным каменщиком» – в руководстве Берг-коллегии. Не является ли это свидетельством особого положения поэта в масонской иерархии? (Особенно на фоне Минерального кабинета графа А.С. Строганова, масона высших степеней.)

Херасков с первых лет директорства в университете стал организатором и руководителем нескольких печатных изданий, выходивших в типографии университета, – журналов «Полезное увеселение» (1760-1762), «Свободные часы» (1763), «Невинное упражнение» (1763), «Доброе намерение» (1764). Он был признанным учителем этой группы образованной дворянской молодежи. В

1760 году Херасков женился на Елизавете Васильевне Нероновой, также писавшей стихи, и дом их стал центром литературной Москвы.

Для стихов, печатавшихся в *«Полезном увеселении»*, был общим *мотив бренности земного*, выраженный в стихотворении Хераскова «Прошедшее»[3] так:

Все тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет,
В лаврах, рубище, порфире,
Всем должно оставить свет.
...Что такое есть – родиться?
Что есть наше житие?
Шаг ступить и возвратиться
В прежнее небытие.

По мнению А.В. Западова, «мотивы личного совершенствования, бренности земного, пропаганда образцов добродетели, идей дружеского братства членов ограниченного кружка людей, думы о загробной жизни, к которой надо готовиться человеку в его земном существовании, – все это типично для масонского умонастроения и заставляет видеть в кружке Хераскова тайную масонскую группу»[4]. В той или иной мере все ее участники были связаны с масонством в более поздние годы, что известно по сохранившимся документам. Речь, стало быть, идет о том, что они были близки к масонству или вступили в орден еще в начале 1760-х годов, о чем нет сведений в имеющейся литературе.

Самым замечательным лирическим произведением Хераскова того времени является известный гимн *«Коль славен»*. В «Собрании образцовых русских сочинений» (часть I) этот гимн назван «Переложением псалма 64». Гимн этот, получивший широкое распространение, по происхождению своему, несомненно, является масонской песнью, которая исполнялась в собраниях масонских лож. Особенно характерную мысль мы встречаем в заключительной строфе:

Позволю себе привести здесь оба текста полностью:

***	ПСАЛОМ 64
Коль славен наш Господь в Сионе, Не может изъяснить язык: Велик Он в небесах на троне! В былинках на земле велик! Везде, Господь, везде ты славен! В нощи, во дни сияньем равен! Тебя Твой агнец златорунный Тебя изображает нам! Псалтирями десятострунны Тебе приносим фимиам! Прими от нас благодаренье Как благовонное куренье! Ты солнцем смертных освещаешь; Ты любишь, Боже, нас, как чад; Ты трапезою насыщаешь И зиждешь нам в Сионе град. Ты смертных, Боже, посещаешь,	Начальнику хора. Псалом Давида для пения. 2 Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе, и Тебе воздастся обет в Иерусалиме. 3 Ты слышишь молитву; К Тебе прибегает всякая плоть. 4 Дела беззаконий превозмогают меня; Ты очистишь преступления наши. 5 Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтоб он жил во дворах Твоих. Насытимся благами дома Твоего, святого храма Твоего. 6 Страшный в правосудии, услышь нас, Боже, Спаситель наш, упование всех концов земли и находящихся в море далеко, 7 Поставивший горы силою Своею, препоясанный могуществом, 8 Укрощающий шум морей, шум волн их и мятеж народов! 9 И убоятся знамений Твоих живущие на пределах земли. Утро и вечер возбудишь к славе *Твоей*. 10 Ты посещаешь землю, и утоляешь жажду

И плотию своей питаешь. О Боже! Во Твое селенье Да взыдут наши голоса! И наше взыдет умиленье К Тебе, как утрення роса! Тебе в сердцах алтарь поставим; Тебя, Господь, поем и славим!	ее, обильно обогащаешь ее. Поток Божий полон воды. Ты приготовляешь хлеб; ибо так устроил ее. 11 Напояешь борозды ее, уравниваешь глыбы ее, размягчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастания ее. 12 Венчаешь лето благости Твоей, и стези Твои источают тук; 13 Источают на пустынные пажити, и холмы подпоясываются радостию. 14 Луга одеваются стадами, и долины покрываются хлебом; восклицают и поют.

На первый взгляд, между этими двумя текстами немного общего. Разве что общее настроение, да тема восхваления Господа. Однако в версии Хераскова исчезает описание церковников/духовенства, против которых всегда говорили масоны; в псалме этот момент освещен так: «Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтоб он жил во дворах Твоих». У Хераскова к Богу идут не люди, но их «голоса», т.е. души. Эта метафора близка к масонской идее о внутренней церкви, о духовном общении с Богом. Исчезает у поэта-масона и Бог-судья, оставаясь отцом, Духом, Благодетелем, но не Судьей. Это характерно для масонского понимания функций религии вообще – духовное восхождение в абсолютной истине, а не контроль страхом перед Богом-судьей православного христианства (характерна икона старообрядческая «Спас Яро Око»[5], т.е. изображение Бога карающего). Темы религии Херасков в своем творчестве касается мало, его все же больше интересует область нравов.

Филантропическая жилка – самая характерная особенность Хераскова, как одописца. Сборник од 1762 года у Хераскова назван *«Анакреонтические оды»,* но мы напрасно искали бы здесь прославления наслаждений жизни, как в «Анакреонтических песнях» Державина. У Хераскова и в этих одах та же проповедь воздержания и нравственного самосовершенствования. Анакреонтическими же Херасков назвал их, очевидно, не по содержанию, а по форме: в противоположность нравоучительным, они написаны белыми стихами и большей частью трехстопным ямбом.

На русский язык Анакреона переводили Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. Продолжая вслед за ними питать интерес к его поэзии, Херасков, однако, вовсе не переводит Анакреона, а пишет свои собственные стихи, совсем не похожие на греческие оригиналы, и развивает в них близкие для себя моралистические суждения. Он адресуется к «разумной россиянке», и даже названия его стихотворений могут показать, насколько далеки они от анакреонтических мотивов.

В книгу «Анакреонтические оды» оказались включены оды:

- К своей лире
- Истинное благополучие
- Искренние желания в дружбе
- О важности стихотворства
- Сила любви
- «Тебе приятны боле...»
- О разуме
- «Иные строят лиру...»
- О злате

Каждое из этих стихотворных произведений представляет собой некое подобие катехизису: поэт ставит перед собой вопрос и на протяжении всей оды

решает его художественными средствами. Наиболее интересными с этической точки зрения представляются оды «Истинное благополучие», «О разуме» и «О злате». В первой оде на рассмотрение читателя представлены четыре возможных формы благополучной жизни: 1) в богатстве и изобилии; 2) в удачливости; 3) в семейном благополучии; 4) в мудрости и умеренности; 5) в сопротивлении судьбе, в борьбе. Любая из этих форм возможна в жизни честного человека, однако истинное благополучие, по-Хераскову, не во внешних формах, а внутри человека – оно наступает, когда человек относится к внешним формам проявления благости бесстрастно, спокойно, не потеряв собственного достоинства, не загордившись.

А всех благополучней,
Кто страсти и желанья
К богатству, чести, славе
Преодолеть умеет…[6]

В оде «О разуме» Херасков поднимает по сути философский вопрос о предназначении разума. В ходе рассуждений поэт выделяет в противоположность светлому и чистому разуму рассудок – и, что показательно, в паре со словом «хитрость», традиционно в литературе XVIII века несущего отрицательную окраску. Отсюда, «рассудок», «рассудочность» у Хераскова отрицательны. А собственно разум в этой оде представлен в значении «совесть», как мы бы обозначили это понятие на современном языке:

И думаю, что разум
На то одно потребен,
Чтоб им могли проникнуть,
Кто правил не имеет,
От тех нам удаляться
И, видя их безумство,
Как можно исправляться.
А паче нужен разум,
Чтоб людям от скотины
В сей жизни отменяться
И к богу возвышаться[7].

Опять же разум здесь выступает как основное средство постижения Бога, и, тем самым, приближения к нему. То есть, вполне по-масонски выражен самый смысл просвещения – путь к Богу по-восходящей, с использованием разума как основного действенного инструмента этого передвижения.

В оде «О злате» поэт обозначает стремление людей к материальным благам как страшнейший грех, встающий в один ряд со смертными грехами, которые губительны именно тем, что за собой всегда влекут множество других грехов. Так злато – «Всеобщих бед источник / И зависть, и обманы, / И злоба, и разбои / оттоле истекают»[8]. Следовательно, над всеми смертными грехами человечества превыше всего масон Херасков ставит *алчность*. (Здесь уместно вспомнить масонских благотворителей и меценатов, особенно среди представителей высших степеней.) И в других одах этой книги Херасков говорит о *роскоши*, *роскошестве* в самом отрицательном свете, считая, что «ложные лучи» роскоши отдаляют людей от истинного Просвещения:

И кажется, что злато
Свет солнца помрачило
И ложными лучами
Всех смертных ослепило…[9]

Жанр дружеского послания, столь характерный для творчества поэтов-романтиков, намечается уже Херасковым в стихотворении «Искренние желания в дружбе», где найден непринужденный тон сентиментальной беседы с другом, включившей в себя обязательные для Хераскова элементы морализма. А если вспомнить характерную для русского масонства традицию парадного портрета, которые дарились братьям по ордену и вывешивались в ложах, то сам факт зарождения самого *жанра* дружеского послания в литературе можно связать с этой традицией, таким образом, это рождение происходит в среде литераторов-масонов.

Морализм с годами все более и более заполняет произведения Хераскова. В 1764 году выходят его *«Нравоучительные басни»* в двух книгах – пятьдесят написанных разностопным ямбом назидательных стихотворений о том, что нужно избегать дурных поступков и обходиться с людьми по-хорошему. В 1769 году Херасков напечатал *«Нравоучительные оды»* – сборник стихотворений, посвященных этическим проблемам, людским отношениям, вопросам элементарной морали общежития. Ровные, спокойные стихи, лишенные ораторской интонации, были построены в форме задушевной беседы с читателем.

В этой книге М.М. Херасков собрал тридцать две «нравоучительные оды», и, если посмотреть на заглавия их, смысл титульного листа получит полное объяснение: «Благополучие», «Суета», «Тишина», «Богатство», «Злато», «Честь», «Терпение», «Гордость», «Родство», «Умеренность», «Наказание», «Беспечность» и т.д. Херасков учит тому, что все земные блага ничтожны по сравнению с небесными и что только добродетельные люди живут в душевном покое, мирно готовясь к переходу в лучший мир:

Так знать, что счастье наше
В сем свете только сон.
Есть мир земного краше;
Какой? – на небе он…[10]

Ничто его как будто не веселит, он не может оторваться от мыслей о смерти, уничтожающей все живое. В числе «нравоучительных од» нет ни одной с заглавием типа «Радость», «Веселье», «Дружба», «Любовь», а ода «Красота» начинается с унылого утверждения:

Пригожство лиц минется,
Проходит красота,
И только остается
Приятностей мечта[11].

Однако это только вступление – вступление к гимну красоты внутренней, нравственной. Думается, именно в силу этих утверждений стоит внимательнейшим образом изучать эстетические воплощения масонских идей: на мой взгляд, русские масоны считали внешнюю форму, пусть даже идеально гармоничную, пустой – без внутреннего наполнения: «На что же величаться / Своею красотой? / ей скоро миноваться, / Пригожство – дар пустой»[12]; в этой же логике становится и учение масонов о «внутренней церкви». Таким образом, для русских масонов характерно старательное наполнение смыслом/смыслами любой формы, т.е. символизация пространства. С другой стороны, все то, что облекалось масонами в символы, оказывалось для них этически значимым.

В «Нравоучительных одах» прежде всего показателен набор этических категорий, вынесенный в заглавия. Во вторую очередь, важной характеристикой практически каждой оды из этой книги является афористичность, тщательность

формулировок основных постулатов. К примеру, в оде «Лесть»: *«Престолы лестью сокрушались»*[13]; а из содержания умом творческим прямо читается*: «В величии нет лести!».* Такие заглавия, как «Лесть», «Ничтожность», «Благополучие», «Спокойство» – возможно, говорят о том, что поистине значимо для поэта-масона Хераскова, а потому вполне могут быть попыткой новой регламентации этических категорий. (Французская «Энциклопедия», «Наказ», сказки Екатерины II – творчество Хераскова оказывается в одном ряду с другими попытками упорядочивания этического лексикона эпохи.)

Херасков, судя по всему, в силу особенностей своего мировосприятия, нередко назидательно предлагает пути решения того или иного греха. Например, в оде «Ничтожность» прямо читается мысль: *«По-тлену остается добродетель!»*, на современном языке, пожалуй, эта добродетель называлась бы «культурный текст». Еще одна интересная «формула» звучит в оде «Благополучие»: *«Чины не исправляют нравы…»*. Замечательная емкость фраз говорит о том, что Херасков 1760-х годов – во-первых, сложившийся мастер слова, и во-вторых, обладает сложившейся системой взглядов, которую он и выражает в своем художественном творчестве. И снова рефреном звучат масонские идеи нравственного совершенствования:

За счастьем гонимся всечастно;
Но где искать его венца?
Увы!.. желать его напрасно,
Когда испорчены сердца[14].

Отвлекаясь непосредственно от поэзии Хераскова, стоит особо выделить двухтомный роман *«Кадм и Гармония»* (1786), который имеет в своей основе идею необходимости подчинения людей высшим силам. Роман Хераскова рассказывает на примере Кадма, одного из персонажей древнегреческой мифологии, о том, к каким опасным последствиям может привести человека свободная воля и как важно быть всегда добродетельным и законопослушным. Кадм не совершает каких-либо незаконных деяний, он только имеет дурные мысли и ведет неподобающие разговоры, соблазняя молодежь. Таким образом, наиболее опасно духовное развращение, подчеркивает Херасков, за него полагается и неизмеримо большая ответственность.

Белинский как-то заметил, что «Бедная Лиза» «убила» роман «Кадм и Гармония»[15]. Он не сказал только, что «Кадм и Гармония» сначала породили «Бедную Лизу», и что проза Карамзина имеет свои истоки в прозе Хераскова. Возможно, именно масонские литераторы – благодаря интересу вольных каменщиков к личности человека, к его внутреннему миру, к нравственным основаниям человеческого поступка, к проблемам познания – стали основоположниками «предромантизма» – сентиментальной прозы. В.И. Сахаров, основываясь на тех же основаниях, выделяет «масонскую поэзию» в особый стиль/жанр, сопоставляя манеру стихосложения и поэтической метафоры с организацией вольных каменщиков. Он пишет: «ясны черты типологического сходства между поэзией и масонством, позволяющие им соединиться и составить самостоятельное направление, поэтическую школу, оригинальный стиль. Это кружок (ложа), сплоченная литературная среда (орден вольных каменщиков), оригинальная философия творчества (масонское поэтическое миросозерцание), отбор и воспитание учеников в гимназиях, пансионах и университетах (ученические ложи поучения и сама первая степень ученика), профессура (мастера и высшие степени шотландского масонства), журнальная и книгоиздательская деятельность»[16].

После почти двадцатилетних литературных трудов в различных жанрах, в том числе и в эпическом, Херасков подошел к «Россиаде». В античной литературе были «Илиада» и «Одиссея», вечные образцы вдохновенного эпоса, Франция имела «Генриаду» Вольтера, Италия – «Освобожденный Иерусалим» Тассо, Португалия – «Лузиады» Камоэнса и т.д., – поэмы, посвященные выдающимся событиям отечественной истории, – а в русской литературе произведения такого масштаба еще создано не было. Попытки решить эту задачу предпринимались на протяжении ряда десятилетий. Кантемир начал поэму «Петрида», но не пошел далее первой книги, Ломоносов написал две песни поэмы «Петр Великий», и хотя они сыграли видную роль в дальнейшем развитии русского эпоса, однако в целом труд завершен не был. Сумароков приступил к поэме «Дмитриада», посвященной Димитрию Донскому, – и остановился на первой странице. Лишь Хераскову удалось, наконец, создать законченную героическую эпопею *«Россиада»*, в двенадцати песнях, насчитывающих свыше девяти тысяч стихов. Понятно, насколько значительной казалась эта творческая победа, и каким ореолом сразу окружено было имя сочинителя.

По мнению А.В. Западова, «согласно правилам литературной теории классицизма, основу эпопеи должно составлять крупное событие национальной истории, служащее в ней как бы поворотной вехой, после которой страна начинает высший этап своей государственности»[17]. Такое событие Сумароков видел в Куликовской битве, Кантемир и Ломоносов – в преобразовании России, учиненном Петром I. Херасков выбрал сюжетом своей поэмы завоевание Иваном IV находившейся под татарским владычеством Казани, что он считал датой окончательного освобождения России от татаро-монгольского ига. В поэме играл большую роль элемент чудесного, представители неба и ада участвовали в борьбе русских с казанцами, и это вмешательство потусторонних сил подчеркивало трудности подвига русских воинов во главе с царем и значение одержанной победы.

Художественные средства, примененные Херасковым в «Россиаде», показательны для русского классицизма. Так, в соответствии со своими эстетическими представлениями, вместо портрета героя поэт приводит обширное перечисление его *моральных качеств*:

Адашев счастия обманы презирал,
Мирские пышности ногами попирал;
Лукавству был врагом, ласкательством гнушался,
Величеством души, не саном украшался;
Превыше был страстей и честностию полн.
Как камень посреде кипящих бурных волн...[18]

Не вдаваясь в литературоведческий анализ, подчеркну красноречивость и полноту такого портрета, дающего достаточно яркую характеристику героя.

Вообще говоря, стремление сочетать «приятное с полезным» – формула классицистической литературы, весьма характерная для всего творчества М.М. Хераскова. К примеру, свой первый литературный журнал Херасков назвал «Полезное увеселение», и затем продолжал писать, руководствуясь, прежде всего, желанием быть полезным читателю, научить, остеречь от плохого, просветить. Но никогда он не забывал и о «приятном», стараясь привлечь внимание занимательностью сюжета, разрабатывая затейливые повествования, которые могли бы увлекать воображение. И весьма осторожно, отнюдь не навязчиво, раскрывал поэт второй план своих произведений – аллегорический,

разъяснял, что за приключениями героев следует видеть искания разума, идущего к познанию добродетели и к божественной истине. Следовательно, можно условно выделить две идейные составляющие творчества поэта: ½ от классицизма, ½ от масонства.

Поэма «Пилигримы» дает материал для наблюдений над укреплением в творчестве Хераскова *сентиментальных мотивов*. «Он усваивает мораль сентиментализма и его оправдание общественного неравенства. Карамзин в “Бедной Лизе” уравнял сословия перед лицом чувства, самым главным для него показателем возможностей человека. Херасков же растворяет классовые противоречия в потоке общего и необходимого для царя, помещика и крестьянина поклонения добродетели»[19].

Херасков еще продолжает повторять, что по-настоящему счастлив только тот, чей рассудок может обуздывать «бунтующие страсти», кто бежит опасных «умствований», но этот тезис системы классицизма доказывается теперь в духе сентиментальной чувствительности с непременным упоминанием о благодарных слезах, умаляющих скорбь по поводу земного неустройства.

«Пилигримы, или искатели щастья» относятся к особому типу поэм Хераскова – она даже не претендует на цельность сюжета и композиции; это синтез рыцарской «многосюжетной» поэмы и шутливой поэмы сентиментализма, изобилующей лирическими отступлениями, намеками и аллюзиями. Но, как свидетельствует первое заглавие, поэма двойственна. «Заглавие обращает нас к серьезной традиции: это Беньян. Беньяновская идея символического пути (внешнего и внутреннего одновременно) у Хераскова никак не развернута: она заключается в самом образе Фортуны или счастья, являющегося в различных видах, связанных с различными путями. Образ Фортуны интегрирует текст»[20].

В жизни М.М. Хераскова можно выделить несколько «сюжетных» линий – профессиональная, творческая и масонская деятельность[21]. Казалось бы, нет видимой зависимости между масонской и профессиональной деятельностью Хераскова. Обращает на себя внимание стремительный взлет поэта по лестнице масонских степеней, что скорее всего связано с покровительством А.С. Строганова и А.П. Сумарокова, занимавших высокие масонские должности. О времени и месте вступления Хераскова в орден вольных каменщиков данные отсутствуют, однако то, что в 1773-1774 годах в петербургской ложе Гарпократа поэт уже занимает должность Наместного мастера, говорит о том, что масоном он стал много ранее, в 1760-х годах, как и предполагалось в тексте параграфа. Также отсутствует информация о масонстве Михаила Матвеевича в конце 1780-х-1790-х годах. Он находился в расцвете творческих сил, обладал широчайшими полномочиями и в профессиональной, и в масонской сфере (вплоть до возможности основания лож/капитулов), соответственно отойти от дел ордена он не мог. Следовательно, либо он достиг высших степеней масонства, документальных сведений о которых не существует в принципе, либо этот пробел связан с гонениями на масонство вообще, когда ложи уходят в подполье. Литературная линия показывает, что основная масса «морально-насыщенных» произведений, т.е. наиболее ценных для рассмотрения с позиций этики, приходится на «срединные» масонские чины, на период «университетского» масонства Хераскова, когда следовало учить, объяснять, поучать и посвящать.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Розанов И. М.М. Херасков // Масонство в прошлом и настоящем. – Под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова. В 2-х тт. – М., 1914-1915. – Репринт.: М.: СП «ИКПА», 1991. – С. 38.

[2] Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 9. [Курсив мой – *Е.Л.*]

[3] Херасков М.М. Прошедшее // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 138.

4 Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 16.

[5] Государственный Русский музей. XVII в.

[6] Херасков М.М. Истинное благополучие // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 76.

[7] Херасков М.М. О разуме // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 84.

[8] Херасков М.М. О злате // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 86.

[9] Херасков М.М. О злате // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 86.

[10] Херасков М.М. Благополучие / Оды нравоучительные // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 90.

[11] Херасков М.М. Благополучие / Оды нравоучительные // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 96.

[12] Херасков М.М. Красота / Оды нравоучительные // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 96.

[13] Херасков М.М. Лесть / Оды нравоучительные // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 94.

[14] Херасков М.М. Благополучие / Оды нравоучительные // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 90.

[15] Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – Т. 4. – С. 416.

[16] Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. – М.: Издательство «Жираф», 2000. – С. 38.

[17] Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 44.

[18] Херасков М.М. Россиада // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 186.

[19] Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 45.

[20] Гришакова М. Символическая структура поэм М. Хераскова // Гришакова М. Символическая структура поэм М. Хераскова // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. To Honour of professor Yu. M. Lotman / Отв. ред. Е. Пермяков. – Тарту: «Эйдос», 1992. (С. 30-48). – С. 46.

[21] При сравнении этих линий жизни М.М. Хераскова были использованы следующие источники: Инф. по ист.: Розанов И. М.М. Херасков // Масонство в прошлом и настоящем. – Под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова. В 2-х тт. – М., 1914-1915. – Репринт.: М.: СП «ИКПА», 1991. – С. 38-51; Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л., 1961. – С. 5-56; Русское масонство 1731-2000 гг. Энциклопедический словарь / Сост. Серков А.И. – М., РОССПЭН., 2001. – С. 851, 951-952, 953, 957, 959, 964, 969.